

Выдающийся шведский лингвист Эстен Даль известен в нашей стране прежде всего как специалист по грамматическим категориям глагола (в первую очередь виду и времени). Его книга "Видо-временные системы", опубликованная ровно 20 лет назад, стала образцом типологического исследования грамматической семантики и, наряду с работами Джоан Байби, заложила основу целого исследовательского подхода, известного как "подход Байби/Даля" (см. [Dahl 1985; Bybee, Dahl 1989]). Из более поздних публикаций в рамках данного направления можно упомянуть фундаментальный труд Дж. Байби и ее коллег "Эволюция грамматики: вид, время и модальность в языках мира" [Bybee et al. 1994], а также сборник статей "Вид и время в языках Европы" под редакцией Э. Даля, который, в частности, включает его обзорные статьи, посвященные типологическим особенностям европейских видо-временных систем и грамматикализации будущего времени в европейских языках [Dahl (ed.) 2000; Dahl 2000a; 2000b].

Новая книга Э. Даля, посвященная возникновению и сохранению "языковой сложности", является в определенном смысле итоговой и обобщает ряд наблюдений автора, обсуждаемых в работах последних лет¹. В ее центре также находится "эволюция грамматики"; речь, однако, идет уже не о путях грамматикализации конкретных показателей (например, перфекта или будущего времени), а о способах развития и длительного сохранения в языке устойчивых грамматических моделей, "жизненный цикл" которых может исчисляться тысячелетиями.

¹ Стоит отметить, что благодаря участию Э. Даля в традиционных "типологических школах" часть российской аудитории уже знакома с некоторыми его идеями по поводу эволюции и стабильности грамматических структур (см. [Даль 2000; Dahl 2002]).

"Сложность" (complexity) понимается при этом с точки зрения соотношения между содержанием и средствами, используемыми для его выражения. Так, более сложным язык делает наличие обязательных грамматических показателей, которые используются даже в том случае, когда определенное значение уже и так выражено в предложении: ср. английское (или соответствующее русское) *I called her yesterday* 'я позвонил ей вчера', где обязателен показатель времени (в данном случае *-ed / -t*), несмотря на наличие наречия 'вчера'. В ряде языков изолирующего строя соответствующее содержание будет выражено приблизительно как "я звонит она вчера", без какого-либо маркирования глагола по времени. В этом смысле показатель времени в приведенных выше английском и русском предложении является "типологически необязательным" (cross-linguistically dispensable), как и сама категория времени.

Большая сложность выражения не всегда соответствует его большей "тяжести", или "многоглаговности" (verbosity, по Э. Далю): так, прошедшее время в англ. фразе *I saw her yesterday* 'я видел ее вчера' выражается не сегментными средствами, а чередованием в глагольном корне. Нетрудно заметить, что языковые структуры, которые можно квалифицировать как "сложные", являются обычно результатом длительного пути развития и предусматривают достаточно нетривиальную историю. Для описания такого рода явлений Э. Даль использует понятие "созревания", или "взросления" (maturation) языковых структур – "грамматическое созревание" является одним из основных понятий в данной книге, поскольку именно оно, как правило, приводит к росту сложности в языке.

О сложности можно говорить применительно к разным аспектам устройства языка (с. 40–45). Так, в количественном отношении сложность соответствует богатству инвентаря лексических или грамматических единиц, имеющихся в языке; условно говоря, этот

инвентарь определяет “выразительную силу” языка – то, что может быть выражено. От этого следует отделять системную сложность, т.е. сложность грамматических правил, регулирующих то, как должно выражаться содержание. Помимо сложности “языка в целом” можно оценивать и сложность конкретного языкового выражения: например, с точки зрения его фонетического веса, структурной сложности (количества морфем) или длины деривационной истории (т.е. количества шагов, необходимых для порождения данного выражения). Таким образом, “сложность” языка рассматривается скорее в теоретико-информационном смысле – как мера количества информации, необходимая для описания системы, – а не как синоним более “практического” понятия трудности для усвоения (*difficulty*). Важно, при этом, что языковое изменение обычно не бывает направлено в сторону большей или меньшей сложности “вообще” – нередко с увеличением сложности в одном аспекте она уменьшается в другом.

Ниже мы попытаемся воспроизвести основную линию аргументации автора, связанную с понятием “грамматической зрелости” и взаимодействием изменчивости и стабильности в языке.

Как уже говорилось, “зрелые” языковые явления подразумевают длительную и не всегда тривиальную историю; они не являются универсальными, хотя и свойственны многим языкам². К такого рода явлениям можно, в частности, отнести: сложную структуру слова (в том числе словоизменительную и словообразовательную морфологию и инкорпорирующие конструкции), индивидуальные лексические особенности (например, род существительного, тип склонения или спряжения, модель управления глагола), синтаксические явления, тесно связанные со словоизменительной морфологией (в первую очередь согласование и отчасти падежное маркирование), несегментные признаки морфем и словоформ и др. (с. 111–115). В целом, рост “зрелости” приводит к увеличению нелинейности – возникновению просодических признаков в фонетике и несегментных средств выражения в грамматике.

Процесс “созревания” грамматических моделей включает три основных компонента: распространение модели (*pattern spread*), “выравнивание” модели (*pattern regulation*) и “приспособление” модели (*pattern adaptation*). Ра с-

пространение модели состоит в ее постепенном использовании во все большем числе контекстов – например, когда конструкция с глаголом ‘хотеть’ начинает употребляться и с неодушевленными субъектами при описании наступающего события (“хочет пойти дождь” = ‘вот-вот пойдет дождь’). Одна из ключевых особенностей “грамматического созревания” состоит в том, что распространение модели ведет к уменьшению информационной значимости выражения, т.е. к ее “риторическому обесцениванию” (*rhetorical devaluation*). На протяжении книги Э. Даль не раз использует “денежную” метафору при описании языковой эволюции: при расширении контекстов употребления семантическая нагрузка выражения становится все меньшей подобно тому, как деньги обесцениваются при чрезмерном увеличении их количества в свободном обращении. Подобные “инфляционные процессы” играют значительную роль не только в экономике и в языковых изменениях, но и в развитии культурных явлений в целом (ср., например, неизбежное “обесценивание” высокого титула при награждении этим титулом слишком большого числа людей за короткое время).

При “выравнивании” происходит “разграничение полномочий” между двумя и более грамматическими моделями, занимающими одну нишу (например, между старой и более молодой видо-временными формами с близким значением). Более старая форма может либо полностью исчезнуть из языка, либо между сферами действия одной и другой формы могут установиться определенные границы; с другой стороны, на протяжении длительного времени распределение форм в рамках одной “ниши” может оставаться нечетким.

Наконец, новая грамматическая модель, получающая все большее распространение, проходит через этап “приспособления”, т.е. фонетической редукции, в ходе которой формальная “тяжесть” конструкции уменьшается и в определенном смысле восстанавливается баланс между ее коммуникативной функцией и фонетическим весом. При рассмотрении фонетических изменений имеет смысл разделять два их типа; к одному можно отнести “фонетические законы” в понимании младограмматиков, которые применимы к любым языковым единицам без исключения. Однако для процесса “грамматического созревания” более важен другой тип звуковых изменений – “адаптивные” изменения, которые происходят в результате расширения употребительности языковой единицы (так, например, испанское выражение *Vuestra Merced* ‘ваша милость’ превратилось в *usted* вследствие использования в функции местоимения второго лица). Ключевую роль в

² Одной из сторон “грамматического созревания” является и грамматикализация в традиционном понимании, как “процесс превращения лексических единиц в грамматические” (с. 119).

данном случае играет не столько частотность редуцируемого элемента, сколько его низкая информационная значимость (свойственная грамматическим показателям) – на это указывает, например, тот факт, что одна и та же частотная лексема подвергается редукции не во всех своих употреблениях, а только в грамматикализованных (например, числительное ‘один’ только в роли неопределенного артикля, глагол ‘идти’ только в конструкции со значением будущего времени типа англ. *gonna do* и т.п.).

Особое место в процессе “грамматического созревания” занимает создание особого рода сложных нелинейных структур (данное явление получает в книге название *featurization*, т.е. “проявление признаков” на высоких иерархических уровнях, прежде всего уровне слова в целом). Признаки, как правило, соответствуют значениям традиционно выделяемых грамматических категорий типа ‘настоящее время, индикатив, 3-е л., ед. число’ для латинского *habet* или французского *a* ‘он имеет’. Примеры морфологических явлений, возникающих на достаточно “продвинутых” этапах “грамматического созревания” и не поддающихся описанию в рамках элементарно-комбинаторной (или аддитивной) модели морфологии – фузия, кумуляция, супплетивное выражение, синкретизм, нулевое маркирование. Все такие явления приводят к росту системной сложности, поскольку определенные абстрактные сущности (признаки) не соответствуют напрямую каким-либо элементам плана выражения. Не удивительно, что при “субоптимальном” усвоении языка (например, как второго) говорящие испытывают значительные трудности именно с подобными нелинейными способами выражения грамматических значений.

Будучи очевидными примерами языковой сложности, “зрелые” грамматические структуры демонстрируют вместе с тем удивительную жизнестойкость. Язык в целом является достаточно стабильным по сравнению с целым рядом культурных явлений (таких, например, как государственное устройство или календарь). Как известно, в лексике большой устойчивостью отличается базисный “100-словный список” Сводеша, скорость “выпадения” которого составляет 15% слов за одно тысячелетие. В грамматике также имеются примеры чрезвычайно древних моделей: так, существование германского аблаута как средства выражения грамматических противопоставлений можно оценить по крайней мере в две тысячи лет, а история семитских разрывных аффиксов (трансфиксов) насчитывает как минимум пять тысячелетий. Можно утверждать, что на более поздних стадиях “созревания” грамматические модели являются наиболее устойчивыми. “Мо-

лодые” конструкции возникают часто, и конкуренция среди них является более сильной; немногие из них достигают сильно грамматикализованной стадии. “Зрелые” же модели типа способов образования английских неправильных глаголов существуют длительное время и нет ощущения, что после тысяч лет сохранения в языке они близятся к закату. Эта ситуация, конечно, может измениться при “нестественном” ходе развития языка, например, при сильном контактном влиянии, в результате которого сложные структуры имеют тенденцию “отфильтровываться” (по мнению Э. Дала, именно такова причина широкомасштабных изменений в западноевропейских языках на протяжении последних двух тысячелетий).

Неверным, по мнению Э. Дала, является рассмотрение языковых изменений лишь в терминах “упрощения” структуры языка. Во-первых, на вопрос о том, “становятся ли языки все более сложными со временем?” (таково название одного из разделов книги), следует дать утвердительный ответ: при нормальных “экологических условиях”, т.е. при оптимальной передаче языка от поколения к поколению, количество “усложняющих” языковых изменений скорее всего превышает количество “упрощающих”. Иначе, например, трудно было бы объяснить, почему действие “усложняющих” и “упрощающих” изменений не уравновешивает друг друга, а сами языки не остаются при этом на достаточно стабильном “простом” уровне³. Не исключено, что в более удаленной исторической перспективе (например, до эпохи земледелия) роль “разрушительных” контактных влияний языков друг на друга была меньшей – так, маловероятно, чтобы в эпоху палеолита на территориях с небольшой плотностью населения кочевые племена могли переживать массовую “субоптимальную” передачу языка. Представляется интуитивно верным, что истинные сложные языковые структуры характерны для языков доиндустриальных обществ, хотя “доказать или опровергнуть это предположение достаточно трудно, и существует достаточно большая вариативность среди языков, на которых говорят народы, живущие (или еще недавно жившие) за счет охоты и собирательства” (с. 295).

³ В данном случае речь идет о гипотезе, что на заре своей истории человеческий язык имел менее сложную структуру, чем сейчас; возможна, конечно, и альтернативная точка зрения, согласно которой уже при возникновении он имел достаточно высокий уровень сложности, сравнимый с тем, который демонстрируют современные языки (с. 276–280).

Во-вторых, что не менее важно, нельзя говорить об упрощении “вообще”, поскольку имеются различные виды языковой сложности, и упрощаться в ходе изменений могут лишь какие-то из них, при сохранении (или даже росте) прочих. Если представить “языковой ландшафт” в виде равнин (обозначающих “простые”, “естественные”, “немаркированные” состояния) и холмов (обозначающих состояния “сложные”, “неестественные” и “маркированные”), то “упрощенческая” модель будет предполагать, что языки постепенно “спускаются” в наиболее низкие участки и продолжают оставаться там. Напротив, по мнению Э. Даля, в языковом развитии имеется и тенденция к движению “вверх”, и в ходе своей истории язык может на длительное время “закрепиться” на достаточно высокой точке (с. 293).

Процесс “грамматического созревания” трудно назвать “циклическим” или “спиральным” в прямом смысле (т.е. предусматривающим возникновение структуры, ее развитие, утрату, возникновение на ее месте новой структуры и т.п.), скорее он является “диалектическим”. Распространение новой грамматической модели ведет к увеличению общей “избыточности” (или уже упоминавшейся “многословности”, *verbosity*) системы; процесс “приспособления” модели, напротив, направлен в сторону уменьшения этой избыточности. Результатом является, однако, не возвращение к начальному состоянию, а скорее “выгодное” использование избыточности в системе т.е. “разумная избыточность” (*smart redundancy*). Так в системе возникает “синтез” в обоих смыслах слова – и диалектический (как результат взаимодействия тезиса – распространения модели и антитезиса – приспособления модели), и лингвистическом (как сложная структура словоформы).

Конечно, само по себе наличие “зрелых” структур не является строго обязательным для любого языка. Тем не менее, в их наличии можно усмотреть определенные преимущества: благодаря “разумной избыточности” средств выражения передача информации становится более надежной. В связи с этим интересны и идеи автора о функции грамматического рода, являющегося одним из наиболее распространенных в языках мира примеров языковой сложности (согласование по роду обычно является обязательным и, кроме того, почти всегда выражается словоизменительными средствами). Говоря упрощенно, род в понимании Э. Даля является “механизмом предотвращения ошибок” (*error-checking mechanism*): наличие показателя согласования служит указанием на то, что в высказывании имеется существительное данного рода, поэто-

му отсутствие подобной комбинации является сигналом адресату о том, что его восприятие сообщения не было верным (с. 202).

В заключение Э. Даль отмечает, что распространяемый тезис “языки меняются, но не эволюционируют” нуждается в пересмотре. Действительно, современные языки не делятся на “примитивные” и “высокоразвитые”, как предполагали некоторые лингвисты XIX века, усматривая корреляцию между уровнем развития общества и совершенством языковой структуры. Тем не менее, наличие во многих языках “зрелых” явлений, предусматривающих нетривиальную историю, говорит о том, что языкам свойственно двигаться в сторону возрастающей сложности. Корреляция между языком и культурой может оказаться в этом отношении как раз противоположной, нежели предполагалось ранее: возникновение крупных индустриальных обществ с мобильным населением может приводить к той “субоптимальной” передаче языка (*suboptimal transmission*), в которой “нивелируются” многие сложные структуры (с. 296)⁴.

В целом, содержание 12 глав книги далеко не исчерпывается обсуждением приведенных выше положений. Напротив, в ней затрагивается так много частных вопросов, что остановиться на всех из них в рамках одной рецензии не представляется возможным. Это обстоятельство не без иронии отмечает в предисловии и сам автор, говоря: “Как правило, научные руководители указывают своим аспирантам, что те должны ограничить тему исследования, не пытаться высказать свое мнение по всем важным проблемам лингвистики и не продолжать бесконечно совершенствовать свою рукопись. При написании этой книги я постепенно осознал, что сам нарушаю большую часть принципов, которые внушал своим студентам” (с. ix). Действительно, читатель может обнаружить в книге обсуждение целого ряда “важных проблем лингвистики” и смежных дисциплин, а также множество увлекательных “case studies” (укажем, например, на наличие специальных разделов, посвященных теории информации, роли врожденного компонента при овладении языком, проблеме однонаправленности грамматикализации, свойству обязательности грамматических значений, английским неправильным глаголам, типологии маркирования неотчуждаемой принадлежности, рассмотрению различных типов конструкций с инкорпораци-

⁴ Это касается и образования пиджинов, которые имеют максимально упрощенную грамматическую структуру и сравнительно редуцированный словарь.

ей внутри именной группы и пр.). Наряду с обсуждением теоретических проблем в книге на широком типологическом материале рассматривается большое число конкретных языковых явлений (так, указатель языков включает более 130 названий).

Книга, вне сомнения, будет интересна всем, занимающимся языковыми изменениями, теорией грамматикализации, морфологической типологией, исторической лингвистикой. К недостаткам работы можно отнести разве что то, что местами она имеет слишком “мозаичную” структуру, так что не всегда можно понять, как именно связан тот или иной раздел с основной темой (кроме того, значительная часть понятий и терминов, вводимых автором в первых главах, практически не используется в дальнейшем изложении). Вместе с тем, заключительная глава, несмотря на ее краткость (8 страниц), в значительной мере компенсирует этот недочет. Кроме того, мнение такого ученого, как Э. Даль, по целому ряду “важных проблем лингвистики”, в любом случае является интересным, и его трактовка многих языковых явлений отличается глубиной и оригинальностью (из уже упоминавшихся тем отметим рассуждения о функции категории рода, инкорпорирующих конструкциях, проблеме “направленности” грамматикализации и др.).

Из мелких ошибок укажем на то, что на с. 200 (при обсуждении стабильности категории рода/класса) лезгинский и удинский языки упоминаются как единственные представители нахско-дагестанской семьи, утратившие классное согласование. В реальности, однако, таких языков три – к названным относится еще и агульский (также принадлежащий к лезгинской группе).

Можно отметить также техническое несовершенство указателя языков: приводимые в нем страницы зачастую не совпадают с теми, на которых данный язык в реальности упоминается в книге. Впрочем, как справедливо отмечает сам Э. Даль, хотя читатель обычно ожидает во введении к работе ритуальной формулировки типа “Все ошибки принадлежат автору”, опре-

деленную ответственность за сохранившиеся ошибки “несет и широко известная компания по производству компьютерных программ, продукты которой иногда притворяются более интеллектуальными, чем они есть на самом деле” (с. ix).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Даль 2000 – Э. Даль. Динамика грамматических моделей // Вторая зимняя типологическая школа. Международная школа-семинар молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии. М., 2000.
- Bybee, Dahl 1989 – J. Bybee, Ö. Dahl. The creation of tense and aspect systems in the languages of the world // Studies in language. V. 13. № 1. 1989.
- Bybee et al. 1994 – J. Bybee, R. Perkins, W. Pagliuca. The evolution of grammar: Tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago, 1994.
- Dahl 1985 – Ö. Dahl. Tense and aspect systems. Oxford, 1985. [<http://www.ling.su.se/staff/oesten/oesten.htm>]
- Dahl 2000a – Ö. Dahl. The tense-aspect systems of European languages in a typological perspective // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology. Berlin, 2000.
- Dahl 2000b – Ö. Dahl. The grammar of future time reference in European languages // Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology. Berlin, 2000.
- Dahl (ed.) 2000 – Ö. Dahl (ed.). Tense and aspect in the languages of Europe: Empirical approaches to language typology. Berlin, 2000.
- Dahl 2002 – Ö. Dahl. The stability of linguistic phenomena // Третья зимняя типологическая школа. Международная школа-семинар молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии. М., 2002.